

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА: В.Ф. ДЖУНКОВСКИЙ И БОРЬБА «СВЕРХУ» С ПРАКТИКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПРОВОКАЦИИ В 1913–1915 ГГ.

Д.А. Гутнов

Музей истории МГУ им М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27, Москва, ГСП-2, Россия, 119992

Статья посвящена попытке ограничить вседозволенность охранки перед Первой мировой войной. Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский провел ряд реформ, направленных на ограничение применения провокации в армии, среди учащихся средних учебных заведений, депутатов Государственной думы. Им были также предприняты меры, призванные поставить деятельность «охранки» под жесткий контроль легальных органов следствия. В статье анализируются причины этих реформ, их ход, итоги и оценки.

Ключевые слова: политический сыск, охранка, органы следствия, провокация.

Эскалация революционного насилия в России во второй половине XIX в. и связанная с ней серия резонансных политических покушений отразили слабость существующей правоохранительной системы. Это дало мощный стимул к ее модернизации.

Не избежал этой участи и русский политический сыск.

Некогда всеильное Третье отделение в 1880 г. было упразднено за ставшей совершенно очевидной несостоятельностью в борьбе с новым этапом революционного движения. Указом 6 августа 1880 г. его место заняла новая правительственная структура – Департамент полиции Министерства внутренних дел, который наследовал функции политической полиции от прежнего ведомства.

Еще в 60-х гг. XIX в. в России возникла сеть т.н. «отделений по охране общественной безопасности», в обязанности которым вменялось проведение негласного и неофициального расследования преступлений политического характера, как и общий контроль за революционным движением на вверенной их вниманию территории.

Первое подобное учреждение возникло в Санкт-Петербурге в 1866 г. как ответ на покушение на императора Александра II, совершенное Д.В. Каракозовым. Несколько позже такие же органы возникли в Москве и в Варшаве.

К началу Первой мировой войны в стране насчитывалось уже 27 охранных отделений в наиболее уязвимых, как казалось, с точки зрения революционной опасности, местностях страны.

Более того, с 1902 г. руководство Департамента полиции создавало еще и так называемые районные охранные отделения, считавшиеся центрами политического розыска для крупных районов, включавших несколько губерний.

При этом следует особо подчеркнуть, что на строго законной основе продолжали существовать лишь первые три охранных отделения. Остальные вели розыскную деятельность на основе разного рода циркуляров и других ведомственных актов Министерства внутренних дел, и законность их существования вызывала большие сомнения.

Для координации деятельности этой постоянно разраставшейся сети негласного политического сыска в 1898 г. при Департаменте полиции был учрежден Особый отдел. Его задачей было направлять и координировать деятельность охранных отделений и анализировать информацию, которая стекалась от них.

Официальные же расследования политических преступлений в новых условиях были переданы чинам Отдельного корпуса жандармов. Возникнув в 1836 г. по указу императора Николая I, это специальное войсковое соединение было подчинено Третьему отделению и всегда играло роль боевого подразделения последнего.

С упразднением Третьего отделения «голубые мундиры» не были распущены, а деятельность их получила новое содержание. Они были подчинены Министру внутренних дел, который считался Шефом корпуса.

К концу XIX в. сложилась традиция, согласно которой Командиром корпуса жандармов обычно становился товарищ (заместитель. – *Д.Г.*) министра внутренних дел, курировавший в министерстве Департамент полиции. В новых исторических условиях за чинами Отдельного корпуса жандармов были закреплены полномочия проведения *официальных* дознаний по политическим делам. При этом Корпус жандармов сохранял все черты военной структуры, включая военную дисциплину, порядок назначения и перемещения по службе, производство в офицерские чины и т.д.

Корпус располагал большой сетью местных отделений (губернские жандармские управления), которые имели прерогативы возбуждения следствия, проведения расследований, а также передачи материалов этого следствия в суд. Как правило, официальное дознание по делам политического характера начиналось по материалам неофициальных дознаний, проводившихся охранными отделениями, и дополнялось ими. Такое взаимодействие, с одной стороны, служило интересам раскрытия преступлений, но с другой – создавало конкуренцию между двумя ветвями политического сыска.

Этот вполне сложившийся к началу XX в. механизм отягощался широким внедрением в практику русской правоохранительной деятельности провокационных методов. Строго говоря, провокация как метод полицейской работы была хорошо известна в России довольно давно. Человеком, который теоретически обосновал ее, а затем применил в русской полицейской практике, был жандармский генерал И.П. Липранди, снискавший известность своей агентурной игрой против революционного кружка М.В. Буташевича-Петрашевского. Тогда, чтобы получить неопровержимые доказательства антигосударственной деятельности членов этого кружка, И.П. Липранди нашел и подготовил своего специального агента – П.Д. Антонелли. Этому человеку удалось не только проникнуть в революционную организацию, но и своими действиями побудить М.В. Петрашевского раскрыть перед ним свои замыслы и планы.

Таким образом, П.Д. Антонелли был не рядовым доносителем или предателем, а действовал именно как провокатор. На основании полученных им сведений и были разоблачены «преступные замыслы» этой революционной организации.

Эффективность этого метода вкупе с растущим накалом революционных настроений привели к тому, что не только Департамент полиции и охранные отделения, но и губернские жандармские управления активно искали и вербовали в революционных организациях (и не только) своих секретных сотрудников, могущих освещать те или иные стороны общественной жизни.

В пылу борьбы мало кто обращал внимания на этические и нравственные границы дозволенного. Санкт-Петербургское охранное отделение в лице своего руководителя М.Ф. фон Коттена, например, вербовало агентов из числа гимназистов 6–8 классов, чины Департамента полиции искали агентов среди солдат гвардейских полков и т.д.

Такое увлечение провокацией привело к тому, что зачастую лидеры самых опасных с точки зрения властей радикальных революционных движений и партий оказывались по совместительству агентами той или иной секретной службы.

Притчей во языцех истории русского революционного движения стал глава боевой организации эсеров Е.Ф. Азеф, получавший в иные годы жалование от Министерства Внутренних дел больше, чем сам министр.

Можно вспомнить в этой связи руководителя социал-демократической фракции в IV Государственной Думе и близкого соратника В.И. Ленина Р.В. Малиновского, не гнушавшегося согласовывать свои пламенные речи в Думе с идеологами «из органов», и др.

Эта практика имела крайне негативные следствия не только для морально-нравственного состояния непосредственных организаторов, участников провокаций и провоцируемых. Огромные и мало кем контролируемые деньги Секретного фонда МВД, которые тратились на оплату секретным сотрудникам, подкуп, перемещения по стране, оплату конспиративных квар-

тир, тайных встреч, грима, одежды и т.д., развращали как рядовых агентов, так и руководителей политического сыска.

С другой стороны, остро стоял вопрос о чисто юридической допустимости тех или иных действий правительственных агентов, внедренных в революционные организации. Ведь скоро стало ясно, что для того, чтобы находиться в курсе всей революционной жизни, провокатору приходилось не только наблюдать, но и самому участвовать в тех или иных революционных актах. Между тем многие из подобных действий квалифицировались законодательством как преступные. Причем зачастую решение об участии или неучастии в преступлении агенту надо было принимать быстро и времени на санкцию от кураторов просто не было.

Отсюда возникал вопрос, какие теоретически противозаконные действия правительственного агента извинительны для него, а какие подпадают под действующие нормы уголовного преследования. Между тем эти нормы освобождали секретных агентов от ответственности в лишь случаях, когда те были замешаны только в революционной пропаганде...

Наконец, зачастую располагая ценнейшими сведениями по многим преступлениям, провокаторы по понятным причинам не могли выступать свидетелями в суде. Часто поэтому политические дела до суда либо не доходили или же рассыпались за отсутствием доказательств, полученных законным путем.

Подобное положение дел заставляло власти подменять судебное преследование политических преступников разного рода административными репрессиями, типа административной высылки под гласный (или негласный) надзор полиции, запрещение заниматься теми или иными профессиями, жить в городах и пр. Все это раздражало не только общественность, но и сами власти.

Причем парадоксальным образом обе стороны зреющего социального конфликта были недовольны одним и тем же: отсутствием законности в действиях органов правопорядка.

У представителей общественности (в том числе и революционной) было много вопросов к провокационным методам полицейского сыска, тем или иным нормам действующего законодательства, но общим консолидированным желанием было то, чтобы закон, каким бы он ни был, беспрекословно исполнялся как на этапе следствия, так и в суде, и не подменялся административным произволом.

Представители же власти со своей стороны также признавали проблему, оправдывая этот произвол несовершенством отечественной полицейской и судебной системы. При этом чиновники сетовали, что сложившаяся ситуация не позволяет утвердить в общественном мнении образ «законной монархии», который самодержавие старалось навязать внутри и вовне страны после революции 1905–1907 гг.

Словом, к 1907 г. несмотря на все трудности политического развития в России сложилось убеждение о необходимости кардинального реформи-

вания сложившейся полицейской системы, дабы облечь эту важную сферу государственной деятельности широким общественным доверием.

Еще осенью 1906 г. под председательством сенатора А.А. Макарова была создана междуведомственная комиссия о преобразовании полиции империи. Целью предполагавшейся реформы было создание в России правового полицейского института, который пользовался бы доверием граждан страны и при этом выполнил свою главную функцию – органа, призванного обеспечивать безопасность и спокойствие населения.

Авторы проекта ставили перед собой задачи объединения различных исторически сложившихся в России полицейских служб в рамках одного полицейского ведомства, жесткой регламентации соподчинения и определения границ компетенций гласного и негласного расследования. Выдвигалась идея создания для расследования политических преступлений некоего нового следственного органа, где, как мыслилось, должны были работать высокопрофессиональные юристы и следователи. На разных этапах высказывались идеи преобразования Отдельного корпуса жандармов и образования на его базе Корпуса Государственной стражи, функции которого были похожи на положение современных внутренних войск в системе Министерства внутренних дел, и ряд других положений (1).

Работа комиссии затянулась, и только в 1911 г. А.А. Макаров представил свою программу реформ в Совет министров. При своем вступлении в должность сменивший А.А. Макарова на посту министра внутренних дел Н.А. Маклаков признал необходимым доработать проект. Эта доработка происходила в Особом совещании при МВД под председательством самого министра при участии ряда губернаторов и ответственных чинов полиции.

11 сентября 1913 г. проект закона о полиции был представлен в IV Государственную Думу, где для его рассмотрения была создана особая комиссия. Забегая вперед, укажем, что деятельность этой думской комиссии затянулось до 1916 г., и в свете начавшейся войны инициативы по реформе общей были отложены до лучших времен. Пока шло обсуждение и подготовка предложений о преобразовании полиции, Министерство внутренних дел уже готовилось к практическим шагам по реализации данного проекта. Несмотря на то что конфигурация нововведений, которые ждали русскую полицию в случае принятия нового закона, была до конца не ясна, министерство начало подыскивать подходящую кандидатуру человека, который мог бы олицетворять грядущую реформу, а в случае ее утверждения Думой и провести.

С одной стороны, совершенно очевидно, что человек этот должен был быть опытным администратором, имевшим большой, а главное, успешный опыт управленческой деятельности и облеченный доверием императора. С другой – он должен был быть знаком общественности. Более того, она должна была ему доверять. С этой точки зрения выбор министра внутренних дел Н.А. Маклакова пригласить в качестве своего заместителя московского губернатора В.Ф. Джунковского был весьма удачным.

За время своего губернаторства В.Ф. Джунковский зарекомендовал себя как отличный администратор. У него за спиной был безупречный послужной список в Лейб-гвардии Преображенском полку, служба адъютантом при московском губернаторе Великом князе Сергее Александровиче, довольно разнообразный, но в целом успешный опыт управления сложным городским хозяйством Москвы и проведения в жизнь положений столыпинской аграрной программы в губернии.

С другой стороны, московский губернатор снискал популярность москвичей своими эффективными мерами по ликвидации последствий известного московского наводнения 1908 г. Общественная оценка московского губернатора может быть проиллюстрирована мнением известного в те годы публициста И. Лопатина, писавшего в связи с переходом Джунковского к новому месту службы: «Человек, которого злейший враг не назвал бы либералом, был губернатором, который никогда не ставил свое губернаторство выше закона. И этого одного... оказалось у нас, в России, достаточным для того, чтобы общественные симпатии невольно приобщались к личности подобного необычного администратора» (2). А блестяще проведенные им бородинские торжества 1912 г. удостоились личной высокой оценки самого царя.

Надо отметить, что Джунковский не сразу принял лестное предложение стать товарищем министра внутренних дел. Он прибыл в столицу и имел довольно длительные консультации с будущим своим руководителем – министром Н.А. Маклаковым. И лишь когда выяснил, что их взгляды на существование грядущих перемен совпадали, 5 февраля 1913 г. официально вступил в новую должность.

Новый товарищ министра внутренних дел вполне осознавал свою миссию. Вот что он писал по поводу грядущих преобразований: «Россия ждала реформы полиции, не более и не менее, как 50 лет... Когда в 1861 г. последовало освобождение крестьян от крепостной зависимости, то, казалось бы, одновременно следовало бы подготовить и реформу полиции, а между тем, она оставалась с екатерининских времен только с некоторыми изменениями» (3).

Таким образом, приступая к своей деятельности, новый товарищ министра внутренних дел не имел окончательного и утвержденного Думой плана реформы. Поэтому преобразования русского политического сыска, которые связывают с его именем, так и остались именно реформами Джунковского, не получив в дальнейшем общегосударственного значения. В связи с этим встает закономерный вопрос, а была ли какая-то внятная программа у преобразований, которые замыслились и претворились в жизнь Джунковским?

Он сам впервые официально изложил этот проект только на своем допросе в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства в 1917 г. Вот его основные пункты.

1. Изъятие из сферы компетенции корпуса жандармов политических дел и превращение его «в боевую единицу как жандармская полиция на желез-

ных дорогах» (4). В связи с этим он предполагал реорганизовать конную жандармскую стражу в особые конные дивизии, комплектуемые по призыву, которые «будут иметь в себе, так сказать, мало полицейского, но будут призываться, в случае надобности, туда и сюда для сохранения порядка» (5).

2. Упразднение секретной агентуры в войсках, а также в средних и низших учебных заведениях.

3. Создание для расследования политических дел, выводимых из компетенции Корпуса жандармов, особого следственного политического органа (6), который он предполагал наполнить «юристами, представителями прокуратуры и просто порядочными людьми» (7).

К сожалению, сейчас уже трудно установить, какие из пунктов приведенного плана были согласованы изначально с Н.А. Маклаковым, а какие осуществлялись на свой страх и риск. Хотя совершенно очевидно, что уже в ходе работы перед товарищем министра внутренних дел встал ряд незапланированных задач, которые ему приходилось успешно или неуспешно решать.

К выполнению своей миссии В.Ф. Джунковский приступил 13 марта 1913 г., когда им был подписан циркуляр № 111346.

Согласно этому документу следить за благонадежностью и настроениями в войсках должны были только и единственно чины Корпуса жандармов, как это полагалось по уставу. Получаемые ими сведения следовало направлять в первую очередь военному начальству, а Департамент полиции информировать лишь «для сведения». В случае же, если чины Департамента считали необходимым воспользоваться услугами секретного сотрудника внутри военной части, они обязаны были информировать об этом командира части, в которой должна была проводиться операция. Таким образом, ответственность за состояние благонадежности личного состава в войсках теперь несли чины Отдельного корпуса жандармов и командование самой войсковой части.

Однако при этом циркуляр требовал от чинов жандармерии воздержаться от «бесцельного и необоснованного вторжения в область внутренней жизни части, относящейся всецело к обязанностям ее войскового начальства, а равно как... от привлечения нижних воинских чинов к сотрудничанию, так как эта мера противна самым основам воинской дисциплины» (8).

Эти действия Джунковского вызвали одобрение в армейской среде, испытывавшей раздражение по поводу постоянных попыток охранки вести вербовку секретных агентов в войсках.

За этот же шаг В.Ф. Джунковского резко критиковали чины Департамента полиции, полагавшие, что своей мерой новый Товарищ министра лишил себя возможности контролировать деятельность революционных организаций в армии.

Впрочем, здесь надо все же отметить, что, запрещая провокационные методы работы охранки в войсках, Джунковский не запрещал ей наблюдать

за благонадежностью армии, оставив за ней такие законные варианты действий, как наружное наблюдение, перлюстрацию переписки, вербовку среди вольнонаемных работников и пр.

Более того, он допускал и возможность работы Департамента полиции в армии, но с ведома и согласия военного командования. И это служило главным камнем преткновения интересов в данном вопросе.

Еще более положительный резонанс в обществе вызвали меры В.Ф. Джунковского, запрещавшие вербовать секретных агентов среди учащихся средних учебных заведений.

Еще в 1910 г. Департаментом полиции был разослан по губернским жандармским управлениям и отделениям по охранению общественной безопасности циркуляр, тщательно регламентирующий вопросы вербовки и использования секретных агентов в студенческой среде (9).

На поверку выяснилось, что фактически положениями этого циркуляра руководствовались организаторы секретной агентуры и в среде гимназистов. Эти факты вскрылись в ходе проверки деятельности Петербургского охранного отделения.

Выяснилось, что блестящая информированность чинов этого отделения о собрании общеученических организаций в частной гимназии Витмера в Санкт-Петербурге в конце 1912 г. (10) базировалась на освещении происходящего в этой организации секретными сотрудниками из числа самих гимназистов.

Указанное обстоятельство возмутило В.Ф. Джунковского также и тем, что, как оказалось, подобная практика уже давно использовалась охранкой (11).

Но более всего товарища министра внутренних дел возмутило, что, вопреки действующему запрету выплачивать гонорары за секретные услуги несовершеннолетним, деньги им из секретных сумм министерства исправно выплачивались. И это было уже прямым нарушением законодательства. Сам Джунковский посчитал подобную практику ни чем иным, как «растлением малолетних» (12).

Поэтому в вопросе исключения несовершеннолетних из состава секретной агентуры у руководителей Министерства внутренних дел, по крайней мере публично, расхождений тоже не было.

Наконец, в мае 1914 г. в кулуарах Государственной думы распространились слухи о таинственном исчезновении лидера социал-демократической фракции Р.В. Малиновского. 8 мая 1914 г. стало известно об исключении его из числа депутатов. После этого даже ближайшим соратникам Малиновского по социал-демократической партии и фракции стало очевидно, что их однопартиец сотрудничал с охранкой.

Несколько позже, уже после отставки со своего поста, стало известно, что именно Джунковский был инициатором увольнения столь ценного, с точки зрения охранки, сотрудника. Мотивы такового приказа долгое время оставались неясными и служили поводом для обвинения товарища министра

внутренних дел в предательстве интересов ведомства, в котором он работал.

В своих воспоминаниях Джунковский признавался, что, бывая в Думе, он неоднократно слышал пламенные речи левого депутата и всегда «возмущался его крайне непримиримыми взглядами» (13).

Негодование же, которое он испытал, когда узнал, что этот радикальный депутат является по совместительству его секретным сотрудником, имело несколько оснований.

Во-первых, он полагал, что Дума является частью государственного аппарата и провоцировать ее недопустимо ни с общеполитической точки зрения, ни с точки зрения государственной безопасности.

Во-вторых, скандал, который мог бы разразиться, если бы правда о депутате-провокаторе выплыла наружу, не сулил ничего хорошего ни правительству, ни охранке, ни, что было гораздо важнее, авторитету монархии, которой он был искренне привержен. Ну и, в-третьих, как он признавался на допросе в Чрезвычайной Комиссии Временного правительства, «совмещение обязанностей депутата и секретного сотрудника ему просто претило» (14).

Эта мера Джунковского выдавала его несколько рыцарственные взгляды на государство и была воспринята в обществе неоднозначно.

Вышеперечисленными мерами, вопреки общераспространенному мнению, внимание В.Ф. Джунковского к вопросам секретной агентуры не исчерпывалось. По его инициативе были внесены изменения и в порядок осуществления наружного наблюдения. Согласно его распоряжению от 12 января 1914 г. было запрещено использовать жандармских унтер-офицеров в качестве филеров. Основной причиной этого было недовольство товарища министра тем, что «постоянное пребывание» жандармов в составе филерских отрядов «вредно отражается на развитии среди них, присущего им, как воинским чинам, воинского духа и дисциплины». Кроме того, этим же циркуляром для большинства органов политического сыска определялось «число вольнонаемных филеров» (15).

В целях более успешного проведения данного решения в жизнь финансирование этой статьи расходов было сокращено.

Следующим шагом В.Ф. Джунковского на пути реформирования системы политического сыска было упразднение 15 мая 1913 г. большинства охранных отделений, чье существование было нелегитимизировано законодательно (16).

Своим циркуляром В.Ф. Джунковский ликвидировал большинство районных охранных отделений. Сохранившие же право на существование охранные отделения в губернских городах должны были слиться с губернскими жандармскими управлениями. Бывшие сотрудники охранных отделений поступали в подчинение к начальникам местных жандармских управлений.

Следствием этих преобразований было то, что теперь Департамент полиции мог проводить свои решения на местах только через руководителей

губернских жандармских управлений, которым Владимир Федорович больше доверял как офицерам, связанным присягой и военной дисциплиной, а потому, по его глубокому убеждению, более честным и исполнительным, нежели чины Департамента полиции.

Более того, начальникам губернских жандармских управлений вменялось в обязанность выяснять, нужны ли в складывающейся оперативной обстановке все служащие бывшего охранного отделения или же их состав можно было сократить. Оклады бывших розыскных чинов охраны, принятых на службу в губернские жандармские управления, также устанавливались в соответствии с окладами Отдельного корпуса жандармов. Губернским жандармским управлениям рекомендовалось пересмотреть свою смету расходов с учетом влившихся в их состав новых сотрудников в сторону сокращения однородных затрат, сократить число конспиративных квартир, расходов на канцелярию и пр. (17).

Таким образом, слияние охранных отделений с губернскими жандармскими управлениями (ГЖУ) имело оборотной стороной существенную экономию средств, чего, в общем, ни одно государственное учреждение не любит.

Так или иначе, но благодаря всем вышеназванным мероприятиям бывшие сотрудники охраны не только теряли свою былую независимость и неподконтрольность, но и существенно урезались в материальном отношении. Ведь оклад заведующего розыском в рамках жандармского ведомства оказывался на порядок меньше их прежнего денежного довольствия. Вместе с общим сокращением расходов и введением какого-то элементарного контроля со стороны ГЖУ за расходованием средств секретных фондов это лишало бывших властителей полусвета их прежнего элитарного положения. Поэтому реформа, объективно необходимая и вводящая русскую политическую полицию в какое-то подобие правового поля, заставила профессионалов политического сыска окончательно отвернуться от В.Ф. Джунковского.

Наконец, неотъемлемой частью деятельности, входившей в круг обязанностей товарища министра внутренних дел, была охрана особы государя и всего августейшего семейства во время торжественных и праздничных мероприятий, а также при их поездках по империи и за границу.

Строго говоря, функции непосредственной охраны императора и его семьи были возложены на дворцовую полицию, подчинявшуюся дворцовому коменданту. Однако публичное появление монарха перед подданными, участие в торжественных, светских, дипломатических и иных мероприятиях, путешествия по стране требовали от местных властей, чинов и подразделений Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции, дворцовой полиции и других согласованных действий.

Поэтому процесс охраны первых лиц империи уже накануне Первой мировой войны превращался в сложную спецоперацию, имевшую множест-

во составляющих, требовавших координации сил и средств различных ведомств. И В.Ф. Джунковскому приходилось уделять довольно много времени этим вопросам.

Не случайно поэтому, что уже в другую эпоху Ф.Э. Дзержинский, вызвавший опального к тому времени генерала на допрос в ЧК, первым делом поинтересовался о том, как он организовывал охрану царя (18).

Новшеством Джунковского стала по-иному структурированная система охраны императора при путешествиях по железной дороге.

7 марта 1914 г. было утверждено «Положение о мерах охраны Высочайших путешествий по железным дорогам» (19), согласно которому общее руководство охраной путешествий всех членов Августейшей семьи по железной дороге возлагалось на Отдельный корпус жандармов. Все распоряжения командира корпуса должны были беспрекословно выполняться чинами жандармерии на железной дороге, общей полиции, железнодорожной администрации. Новый порядок охраны представлял собой систему секретов, дозоров и караулов, выставленных по всему маршруту движения царского состава и на отдельных участках между ними. При этом войсковая охрана более не стояла на всем пути следования царского поезда.

Первое путешествие императора с новой охраной состоялось 3 августа 1914 г. после начала Первой мировой войны. С этого момента Джунковский до своей отставки постоянно сопровождал Николая II в его поездках в зону боевых действий, на фронт и в Ставку.

Вопрос о том, насколько предпринятые В.Ф. Джунковским меры положительно или отрицательно сказались на деятельности русского политического сыска, остается дискуссионным.

Традиционно лейтмотивом критики Джунковского является его обвинение в том, что он разрушил систему охранных отделений, поставив негласное расследование политических преступлений в зависимость от расследования гласного, олицетворявшегося Отдельным корпусом жандармов.

Как писал наиболее авторитетный критик реформ В.Ф. Джунковского жандармский генерал А.И. Спиридович: «Не понимая совершенно дела политического розыска, не зная революционного движения, Джунковский уничтожил охранные отделения в провинции, то есть вернулся к той старой, отжившей системе, которая была изменена умным и опытным министром Плеве» (20).

Но, с другой стороны, задачи, которые ставились перед В.Ф. Джунковским при вступлении его в должность, заключались отнюдь не в укреплении прежней системы политического сыска со всеми ее «прелестями» вседозволенности сотрудников охранных отделений, их финансовой, юридической и организационной неподконтрольностью, опиравшихся при этом на провокацию как основной метод работы. Он предложил новую конструкцию.

Можно спорить относительно того, не подрывало ли подчинение системы негласного наблюдения расследованию гласному эффективность следст-

вия и способствовало ли это лучшему раскрытию преступлений. Ответить на этот вопрос сложно хотя бы в силу указанной выше причины материального порядка. Бывшие чины охранки были поражены в прежних широких полномочиях, серьезно уязвлены, и одно это обстоятельство делает их критику Джунковского ощутимо субъективной.

Реформы Джунковского вообще выделяются в истории преобразований русского политического сыска.

Традиционно все прежние преобразования этой чувствительной сферы государственной деятельности были подчинены исключительно решению практической задачи повышения эффективности борьбы с революционным движением или инакомыслием. Вопрос о том, какими средствами это достигалось, и степени их законности был вторичен.

Джунковский же на первый план ставил вопрос именно повышения законности правоохранительной практики. Могла ли поставленная таким образом задача привести к повышению эффективности политического сыска? Думается, что в краткосрочной перспективе ответ будет отрицательным. Было бы странно ждать роста эффективности розыска и следствия от чинов, в прошлом развращенных вседозволенностью и работой на грани, а то и за гранью действующего законодательства. Правовые рамки, какими бы они ни были и в которые теперь эти люди были поставлены, сковывали их действия.

Эти люди были явно не готовы к работе в новых условиях хотя бы в силу своего предшествующего опыта. Отсюда понятное раздражение, как против реформы, так и против человека, с именем которого она ассоциировалась.

К слову сказать, понимая это, Джунковский пытался форсировать подготовку к службе в Корпусе жандармов новых людей, с более правильным правовым образованием. Одним из последних своих приказов он ввел в действие новое Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов, в соответствии с которым основное внимание на экзаменах уделялось праву (21).

Можно долго спорить о том, мог ли Департамент полиции, лишенный территориальных и местных подразделений, эффективно противостоять революционной угрозе в данных конкретных условиях 1913–1915 гг., как любят ставить этот вопрос критики Джунковского из числа его бывших коллег, да и современные исследователи. С нашей точки зрения, вопрос так ставить некорректно. И вот почему.

Преобразования политического сыска, санкционированные Джунковским, предназначались для нормальной работы полицейских служб в условиях правового государства мирного времени. А осуществлялись они в преддверии и в условиях начавшейся Первой мировой войны, когда перед российской государственностью встали иные вызовы и задачи. Страна стала жить по законам военного времени.

Поэтому совершенно очевидно, что в новых условиях эти преобразования не могли противостоять ни нараставшему революционному хаосу, ни

разложению самодержавной государственности. Они на это и не были рассчитаны. Для решения новых задач потребовались новые люди и иные подходы. Вопрос заключается в том, насколько эти люди оказались на высоте своего положения.

Собственно, отставка В.Ф. Джунковского со своего поста в 1915 г. и была предreshена именно этим обстоятельством, а не его известным докладом царю о Григории Распутине или какими-то иными причинами более частного характера, как полагали многие современники.

Другой и, возможно, более важный вопрос заключается в том, а возможно ли было в России начала XX в., да и в последующее время, создать полицию общественного доверия, а деятельность политического сыска привести в какое-то соответствие с некими правовыми и нравственно-этическими стандартами, признаваемыми обществом?

Этот вопрос и сейчас выглядит очень актуально и не получил пока окончательного разрешения.

Поэтому в определенном смысле реформа политического сыска, проведенная В.Ф. Джунковским, может оказаться интересной не только специалистам-историкам, ибо представляет собой редкий в отечественной истории эксперимент по внедрению в государственные институты России элементов правового государства.

Практические результаты и выводы, которые можно сделать из этого эксперимента, могут иметь вполне конкретное политическое звучание и ныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Кузнецова Т.А., Пуятин В.Д. Из исторического опыта реформирования полиции Российской империи (по мат-лам Особой междуведомственной комиссии сенатора А.А. Макарова 1906–1912 гг. // История государства и права. – 2009. – № 6. – С. 26–29.
- (2) Утро России. – 1913. – 5 фев.
- (3) Джунковский В.Ф. Воспоминания. – М., 1997. – Т. 2. – С. 135.
- (4) Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. – М., 1926. – Т. 5. – С. 69.
- (5) Там же. – С. 69–70.
- (6) Примечательно, что подобные же идеи мы можем отыскать в стенограммах заседаний думской Комиссии по реформе полиции, которая еще 27 ноября 1913 г. признала необходимым освободить чинов Отдельного корпуса жандармов от производства дознаний по государственным преступлениям с передачей его в руки судебного ведомства. См. Романов К.С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917): Дис. ... к.и.н. – СПб., 2002. – С. 134.
- (7) Падение царского режима. Стенографические отчеты... – Т. 5. – С. 69.
- (8) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 260. – Д. 331. – Л. 35 об.
- (9) ГАРФ. – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 34.

- (10) *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. – Т. 2. – С. 177–178.
- (11) ГАРФ. – Ф. 110. – Оп. 2. – Ч. 3. – Д. 18362. – Л. 1–5.
- (12) *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. – Т. 2. – С. 78.
- (13) Там же. – С. 242.
- (14) Падение царского режима. Стенографические отчеты... – Т. 5. – С. 83.
- (15) Согласно данному циркуляру на 65 ГЖУ приходилось 647 агентов наружного наблюдения. Наибольший штат в 30 человек был утвержден для Иркутского и Тифлисского ГЖУ, наименьший в 3 для Олонецкого. Средней же штат составлял 6–10 филеров (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 260. – Д. 55. – Л. 19–20 об.)
- (16) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 1913. – Д. 366. – Л. 30–34.
- (17) Там же. – Оп. 260. – Д. 331. – Л. 127–128.
- (18) *Трубецкой С.Е.* Минувшее. – М., 1991. – С. 261.
- (19) Государственная общественно-политическая библиотека. Жандармская коллекция. – Д. 67678. – Л. 5.
- (20) *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. – Н.-Й., 1960. – Т. 2. – С. 112.
- (21) Положение о приеме офицеров в Отдельный Корпус Жандармов // Вестник полиции. – 1914. – № 10. – С. 25–97.

**HISTORY OF POLITICAL POLICE IN RUSSIA
V.F. DZHUNKOVSKY AND FIGHT
AGAINST POLICE PROVOCATION PRACTICE IN 1913–1915**

D.A. Gutnov

History Museum of M.V. Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27, Moscow, Russia, 119992

The article is devoted to an attempt to limit secret police permissiveness before World War I. Deputy Interior Minister V.F. Dzhunkovsky carried out a number of reforms aimed at limiting provocation in the army, among students of secondary educational institutions, the State Duma deputies. He took measures to put the secret police activities under strict control of legal investigation bodies. The article analyzes these reforms' causes, course, results and estimation.

Key words: political investigation, secret police, investigation bodies, provocation.